

УДК 304+316.7

ВИКТОР СТЕПАНЕНКО,

доктор социологических наук, главный научный сотрудник отдела истории и теории социологии Института социологии НАН Украины, главный редактор журнала “Социология: теория, методы, маркетинг”, Киев

Цивильность: социологическая актуализация концепта

Аннотация

В статье предпринята попытка социологической актуализации концепта цивилильности как нормы повседневной социальности. Анализируются разные значения, история развития и трансформация социальной семантики понятия цивилильности. Очерчиваются социологические смыслы цивилильности как рационального регулятивного континуума, который реализуется в индивидуальных поведенческих актах, в разных проявлениях человеческой способности к ненасильственным взаимным интеракциям и возможностям подыматься над индивидуальными особенностями и идентичностями ради коллективного действия в общих интересах. Обосновываются методологические и эвристические возможности концепта цивилильности в социологическом подходе и очерчиваются перспективы социологического исследования цивилильности в таких сферах, как гражданское общество, правовое сознание и поведение и повседневные интеракции граждан.

Ключевые слова: *цивилльность, социальность, повседневные интеракции, социальные смыслы, социологический концепт, гражданское общество*

ВИКТОР СТЕПАНЕНКО,

доктор соціологічних наук, головний науковий співробітник відділу історії та теорії Інституту соціології НАН України, головний редактор часопису “Соціологія: теорія, методи, маркетинг”, Київ

Цивільність: соціологічна актуалізація концепту

Анотація

У статті зроблено спробу соціологічної актуалізації концепту цивільності як норми повсякденної соціабельності. Аналізуються різні значення, історія розвитку та трансформація соціальної семантики поняття цивільності. Окреслюються соціологічні смисли цивільності як раціонального регулятивного континууму, який реалізується в індивідуальних поведінкових актах, у різних проявах людської здатності до ненасильницьких взаємних інтеракцій і можливостях вивисуватись над індивідуальними відмінностями та ідентичностями задля колективної дії у спільних інтересах. Обґрунтовуються методологічні та евристичні можливості концепту цивільності в соціологічному підході та окреслюються перспективи соціологічного дослідження цивільності в таких сферах, як громадянське суспільство, правова свідомість та поведінка і повсякденні інтерактивні комунікації громадян.

Ключові слова: *цивільність, соціабельність, повсякденні інтеракції, соціальні смисли, соціологічний концепт, громадянське суспільство*

VIKTOR STEPANENKO,

doctor of sciences in sociology, leading research fellow at the Department of History and Theory of Sociology, Institute of Sociology, National Academy of sciences of Ukraine, Editor-in-Chief of the “Sociology: Theory, Methods, Marketing” journal, Kyiv

Civility: sociological actualization of the concept

Abstract

The paper is devoted to the attempt of sociological actualization of the concept of civility as the norm of everyday sociability. Various meanings of civility, as well as history of development and transformation of its social semantics are analyzed. There are also identified sociological meanings of civility as rational regulative continuum which gets its realization in individual behavioral acts, in various manifestations of human ability to nonviolent mutual interactions, and in his/her aptitude to overcome individual identities and peculiarities for the sake of collective action in common interests. The methodological and heuristic potential of the civility concept in sociological approach is argued and the prospects for sociological research of civility in the spheres of civil society, legal consciousness and behavior, and everyday interactions of citizens are identified.

Keywords: *civility, sociability, everyday interactions, social meanings, sociological concept, civil society*

Напряженная общественно-политическая динамика в Украине, ставшая очевидной с периода Евромайдана 2013–2014 годов, аннексии Крыма и войны на Донбассе, подорвала длительный эволюционно консервативный ход трансформации украинского общества. Эта политическая турбулентность с ее повышенными конфликтогенными рисками, но и, наряду с этим, с новыми шансами и возможностями сопровождается сложными внутриобщественными процессами. В последних сочетаются мощный потенциал самоорганизованной гражданской активности, развитие практик волонтерства, взаимопомощи и солидарности, с одной стороны, и сохранение высокого уровня коллективного недовольства, прежде всего из-за разочарования и неудовлетворенности действиями властей, низкого уровня доверия к властным институтам и ухудшения социально-экономической ситуации — с другой. Фактор войны и сопровождающие ее комплексные негативные гуманитарные, экономические и социальные эффекты, в частности проблемы социальной адаптации около 2 миллионов внутренне перемещенных лиц, являются не только возможностью для развития практик коллективной солидарности и взаимоподдержки, но и одновременно благоприятным социально-психологическим фоном для возможных проявлений социальной нетерпимости, агрессии, экстремизма и политического радикализма. Более того, как справедливо замечает М.Алексеев, “продолжение и расширение военного конфликта может подорвать общественную поддержку именно тех политических ценностей, которые согласуются с членством в международных институтах, с которыми связывают будущее Украины большая часть ее граждан и ее лидеры” [Alexseev, 2017: p. 14]. Иными словами, война оказывается рискованной перспективой для общественной поддержки демократии и европейского выбора страны.

Эти сложные и противоречивые процессы отечественной трансформации актуализируют широкую проблематику нормативно-регулятивных основ общественного поведения и особенностей социальных коммуникаций и взаимодействий, определяющих характер общественного уклада во многих его аспектах. Глубинные кризисы и сконцентрированные в коротком времени драматические трансформации, как в случае современной Украины, ста-

новятся своеобразной тестовой нагрузкой не только в смысле порога прочности и возможностей общественных институтов в поддержании социального порядка, но и в смысле эффективности микросоциальных фабрик воспроизводства практически повседневной социальности и самой способности граждан к взаимно толерантным повседневным интеракциям, их социальности.

Концептуальная лакуна в ответе на вопрос: как поддерживается и воспроизводится повседневная интерактивная социальность, особенно в кризисно изменчивом обществе, во многом заполняется понятием civility. Целью данной статьи собственно и является актуализация концепта civility в отечественном научном, в частности социологическом дискурсе, очерчивание значений, истории развития и трансформации социальной семантики этого понятия, аргументация методологических и эвристических возможностей концепта, а также — социологических подходов и перспектив исследования civility.

Цивильность: к истолкованию понятия

Civility — понятие и концепция, еще не слишком распространенные в отечественном гуманитарном дискурсе, в частности социологическом. Хотя атрибутивное использование этого понятия, например в концепции гражданской культуры (*civic culture*) Г.Альмонда и С.Вербы [Almond, Verba, 1963], уже стало классикой политической социологии. Впрочем, даже концепция гражданской культуры у нас чаще всего интерпретируется как “политическая культура”. Однако civility — это не только отдельное и важное понятие социального анализа, относящееся к понятиям “цивилизация” и “цивилизованность” (но не тождественное им). Civility является ключевым семантическим контекстом, образующим смысловую основу таких классических и уже весьма распространенных в отечественных обществоведческих исследованиях концепций, как “гражданское общество” (*civil society*) и “гражданская нация” (*civic nation*).

Забвение или игнорирование концепта civility как историко-генеалогического, смыслового и практического основания гражданского общества как *civil* может приводить также к определенным смысловым деформациям в понимании самого “гражданского общества” в отечественном дискурсе и общественно-политической практике. Действительно, вопрос “что делает общество гражданским?” предполагает (и ориентирует на) несколько иные смыслы в ответе, чем в случае вопроса “что делает общество *civil*?”.

Определенным объяснением таких смысловых различий оказывается сама историческая семантика концепции “гражданское общество”, по-разному транслирующаяся в отличных культурных и языково-смысловых контекстах. Ведь в едва ли не самых древних исторических европейских — греко-римской и англо-шотландской — традициях его употребление и толкование понятия “гражданское общество” является производным от древнеримского *cives/civitas* и англоязычных *civil/civility*. Родовые понятия в этом смысле — *civil* (цивильный) и *civility* (цивильность). И хотя до конца XVIII века у английских и шотландских авторов понятия “цивильность” и “цивилизованность” были взаимозаменяемыми [Bryant, 1995: p. 142], именно по-

нимание термина “цивильность” как уважения и взаимного признания в отношениях индивидов было определяющим в историческом дискурсе *civil society*, по крайней мере начиная с традиции англо-шотландских социальных философов Дж.Локка, А.Фергюссона и А.Смита.

Устоявшийся русский (а также украинский) перевод концепции *civil society* как “гражданское общество” (“громадянське суспільство”) утрачивает эту принципиальную содержательную нагрузку англоязычных терминов *civil/civility*. Полагаю, что более адекватным переводом этого концепта было бы понятие “цивильное общество”. Тем не менее у нас есть устоявшееся понятие “гражданское общество”, которое актуализирует другие значения, связанные прежде всего с гражданской вовлеченностью и активностью. Таким образом, в русском и украинском переводе теряется важная смысловая составляющая понятия *civil society*. Влияют ли (и если да, то как) последствия такого семантического сдвига интерпретации концепции “гражданское общество” на понимание его сущности и практик, и шире — на социальную практику посткоммунистических трансформаций? Учитывая то, что отечественный дискурс, а также практики гражданского общества, по крайней мере в их публичной репрезентации и массовом восприятии, тяготеют к доминированию смыслов гражданской активности над смыслами толерантности, уважения и взаимного признания, можно утвердительно ответить на этот вопрос¹.

Содержательные признаки цивильности проявляются в характеристиках и оценках человеческих поступков и социального поведения. Отсюда, содержание и понимание цивильности лучше воспринимаются через ее антоним/антипод. В критике недостатков современного общества и в медиа понятие “цивильность” употребляют в смысле желаемой социальной нормы или своего рода спасения от многочисленных социальных деформаций современного плюралистического общества, таких как насилие, жестокость, грубость, неуважение к другому — все то, что мы часто называем “нецивильным” (“нецивилизованным”). В этом смысле простейшее повседневное восприятие и практики цивильности ассоциируются с вежливостью и доброжелательностью в повседневном общении.

Впрочем, это весьма узкое значение понятия. В западном гуманитарном дискурсе содержание понятия цивильности гораздо шире, чем просто правила вежливости и хорошие манеры в поведении людей. В современном теоретическом дискурсе цивильность часто интерпретируется как взаимное восприятие различий, отсутствие дискриминации и общественная рассудительность (*public reasonableness*) [White, 2006: p. 446]. В частности, по мнению канадской исследовательницы Мелани Уайт, “цивильность — это набор практик, включающих опыт самоограничения и заботу о других. Она (цивильность. — В.С.) выражается как форма поведения на основании разумности и принципа, что позволяет справедливо и благоразумно обсуждать различия в гражданском обществе” [White, 2006: p. 46]. Современные социальные исследователи в своих определениях очерчивают подобные характеристики. Так, Б.Барбер отмечает, что цивильность способствует “обоюдной эмпатии и взаимоуважению”, поскольку полагается на разумность раз-

¹ Более развернутая аргументация на этот счет и сам детальный анализ отечественного гражданского общества проведены в авторском исследовании “Гражданское общество: дискурсы и практики” [Степаненко, 2015].

решения конфликтов общественной жизни [Barber, 1999]. Мысль о том, что цивилизность функционирует как социальная “смазка” для облегчения удовлетворения требований в отношении разных социальных различий, высказывает социальный философ М.Уолцер [Walzer, 1974: p. 602]. Для другого известного социального теоретика В.Кимлички цивилизность — интегральная составляющая принципов недискриминации, требующая от граждан относиться друг к другу как к равным [Kumlicka, 2001: p. 298–300].

Все эти определения цивилизности в более широком социальном контексте объединяют ее понимание как фундаментального признака гражданской социальной компетентности (социабельности). Последняя обеспечивает осознание необходимости индивидуальных самоограничений, принятие и понимание интересов других и восприятие мирных толерантных обсуждений по поводу различий в рациональном диалоге. Американский теоретик Эдвард Шиллз, рассматривая цивилизность комплексно как верование, добродетель и отношение [Shills, 1997], считает, что цивилизность, будучи регулятивно поведенческим этосом гражданского общества, характеризует и его политику, заключающуюся в заботе об интересах всего общества и общем благе [Shills, 1997: p. 1]. Именно цивилизность, по мнению Шиллза, помогает членам общества (и соответственно характеризует их как цивилизных) быть выше своих социально-классовых, профессиональных, этнических и других принадлежностей в ситуациях конфликта и действовать в общих интересах [Shills, 1997: p. 1]. Иными словами, цивилизность делает возможным существование современных сложных плюралистических обществ без внутренних войн и насилия как способа разрешения противоречий и конфликтов.

Социальные интеракции современного общества характеризуются также функционированием и институционализацией таких современных установок, как прагматизм, способность к сосуществованию различий и толерантность, принцип “живи сам и дай жить другим” (live-and-let-live), компромисс без ущемления достоинства, принцип “справедливой игры”, уважение другого и правило возмещения долга. Эти базовые регулятивные правила человеческого сосуществования, которые в той или иной мере культивируются в контекстах разных культур и общностей и составляют основу даже многих традиционных коммунальных культур, важны и для цивилизного общества. По мнению британского исследователя К.Брианта [Bryant, 1995], именно эти регулятивные правила цивилизности позволяют находить компромисс между сторонниками особых или групповых интересов в пределах общего социального пространства.

То есть существует множество определений концепта цивилизности, которые подтверждают его смысловую многозначность, но одновременно и типичную общность многих интерпретаций. Позже мы попытаемся актуализировать именно социологическое звучание этого концепта, а также перспективы социологического исследования цивилизности. А теперь продолжим анализ, обратив внимание на смысловую многозначность понятия цивилизности, которая во многом является результатом длительной исторической трансформации и наслоения смыслов. По нашему мнению, исторический анализ трансформации понятия является важной методологической предпосылкой его перспективных исследований, включая социологические.

Исторический генезис понятия

Задача любого социального исследователя в осуществлении исторической реконструкции развития понятия — не только интерпретировать трансформации его значений, но и фиксировать моменты его возможных смысловых неизменностей, постоянств, очерчивать своего рода смысловые константы исторического понятия. По мнению Рейнгарта Козеллека, именно в таких несоответствиях смыслов, расхождениях, возникающих между старыми значениями понятий, связанными с историческими реалиями, которые исчезли (или исчезают), и их новыми смысловыми наполнениями, и появляется возможность обратить внимание на эти смысловые константы, которым, однако, уже не отвечает реальная действительность, или же за этими смыслами увидеть действительность, значение которой может оставаться неосознанным [Козеллек, 2014: с. 35]. Козеллек выделяет четыре таких взаимосвязанных модуса трансформации смыслов исторических понятий, а именно: демократизация, темпорализация (временная структурированность и актуальность), возможность идеологизирования и политизация [Козеллек, 2014: с. 27–31]. Действенность этих модусов активно обозначается, начиная с исторического опыта структурирования смыслового пространства Нового времени. Методологические подходы Р.Козеллека с присущей им более детальной интерпретацией использованы автором в исторической реконструкции понятия “гражданское общество” [Степаненко, 2015: с. 32–39]. В равной степени эти подходы методологически важны и для исследования исторической трансформации и современной актуализации понятия “цивильности”.

Как уже отмечалось, исторически, по крайней мере до конца XVIII века, понятие цивильности отождествлялось в англо-шотландском просветительском дискурсе с понятием “цивилизованности” со всеми его производными социально иерархическими значениями культурного превосходства западных обществ перед незападными, нецивилизованными, варварскими. Эти исторические смыслы, которые, по Козеллеку, обуславливают возможность идеологизирования и политизации понятия “цивильности”, и сегодня присутствуют в его многозначном семантическом поле. Например, дискурс “европейского выбора Украины” как выбора *цивилизационного* также содержит исторически идеологическую нагрузку понятия цивильности как политического стремления к более развитой цивилизации с действенным верховенством права, социально-экономическим благосостоянием, правами и свободами граждан. Впрочем, в современном отечественном контексте это весьма актуальные смыслы. В то же время, как справедливо отмечает А.Лабин, “исторический багаж” концепта цивильности в его довольно устойчивом содержательном отождествлении с “цивилизованностью” также является одной из причин нехватки современных исследований смысловых полей этого понятия, в частности в направлении его социологического применения и социологических исследований цивильности [Labigne, 2012: p. 124].

Действительно, понятие цивильности имеет давнюю и сложную историю. В западной философской традиции оно берет начало из социального уклада и способа саморегулирования политических общин греческих античных городов, а позже — из общественно-правовых признаков Римской республики (*cives, civitas*). Те социальные качества и отношения, которые обеспечили успех этих политических общностей, часто характеризуются

как гражданские добродетели (*civic virtues*). Заметим, что уже в эпоху модерна А. де Токвиль определял особый этос американской общественной жизни как “привычки сердца” и “гражданскую религию” (*civil religion*) — традиция, которая до сих пор активно развивается в современных американских неотоквилианских интерпретациях — от Р. Белла до Р. Патнема. В эпоху европейского Просвещения современная перспектива повседневных регуляций поведения и взаимоотношений граждан получила развитие в концепции “гражданского общества” (*civil society*), где цивилизность как понятие и практика интерактивных взаимоотношений утвердилась в качестве инклюзивной альтернативы домодерным понятиям аристократической чести или христианского милосердия (*caritas*). С этой исторической перспективы цивилизность и гражданское поведение — это продукт и следствие социального развития европейского общества, в частности исторической трансформации его социальной структуры от домодерной, элитарно-иерархической до модерной, эгалитарно-демократической.

Подробному исследованию этой исторической трансформации посвящено фундаментальное классическое произведение Норберта Элиаса “О процессе цивилизации”, впервые опубликованное в 1939 году на немецком языке в Швейцарии¹. Элиас исследует эволюцию цивилизационного процесса и институционализации цивилизности в социальной и политической сфере Европы, начиная с раннего Средневековья, как трансформацию и сложное взаимодействие практик индивидуальных самоограничений и самоконтроля, с одной стороны, и развитие сложных социальных дифференциаций, институционализацию и монополизацию насилия (государством) — с другой. Следует подчеркнуть, что для Элиаса историческое развитие и усложнение общественных дифференциаций западного общества являются не менее важным институциональным фактором цивилизационного процесса, чем монополизация контроля за насилием со стороны государственной власти. Упрощенные интерпретации его концепции часто игнорируют всю сложность взаимодействия, обращая внимание лишь на один последний фактор. Но в нашем контексте важна именно многозначность этой концепции, ведь цивилизационный процесс и цивилизность как его исторический продукт уже в интерпретации Н. Элиаса служат социокультурным и личностно-психологическим ответом на усложнение социальных взаимодействий, дифференциаций и различий. Последний тезис особенно актуален для понимания цивилизности как исторически развившихся общественных правил и норм социальности.

По мнению Элиаса, начиная с позднего Средневековья и раннего Возрождения в Европе в сфере межличностных взаимоотношений происходил мощный сдвиг к формированию независимого от других и автономного, так сказать, “встроенного” (интернализованного) контроля человека над собой, то есть индивидуального самоконтроля. Обозначился переход от внешнего принуждения к индивидуальному самопринуждению. Это приводит к тому,

¹ Самое известное двухтомное произведение Норберта Элиаса “Über den Prozess der Zivilisation”, впервые опубликованное на немецком языке в 1939-м и позже — в англоязычном переводе, долгое время оставалось почти незамеченным, и только с 1961 года, после нового переиздания и переводов к этой книге стали проявлять все больший и активный интерес современные социальные исследователи. В русском переводе эта работа Н. Элиаса была опубликована в 2001 году [Элиас, 2001].

что множество социальных импульсов происходят менее спонтанно, механизмы контроля начинают действовать как бы сами по себе, автоматически [Элиас, 2001]. Элиас усматривает качественные изменения такого исторического развития личностных структур (социопсихического *habitus*¹ индивида) и в целом — общественного психогенезиса в том, что “рациональное мышление” или “моральная совесть” прочно укореняются между чувствительными импульсами и “мускулатурой”, не давая последним прямо или непосредственно перейти в действие без разрешения этих новых механизмов самоконтроля [Элиас, 2001: с. 39]. Люди становятся более “цивилизованными”.

Элиас в конкретных исторических деталях исследует этот процесс, а также развитие самого *civilité* — понятия, ставшего значимым для западного мира как этап становления специфического характера обычаев европейского общества. Формирование понятия *civilité* во Франции XIV века не только отражало изысканные манеры и культивированные вкусы аристократии, но уже обозначало также движение от абсолютистского режима, выход за рамки узкого круга высших классов и преодоление жестких межклассовых дистанций. В этом смысле характерным примером популяризации понятия *civilité* в том характерном значении, которое начинает восприниматься в широком обществе, становится книга Эразма Роттердамского “*De civilitate morum puerilium*”, изданная на латыни в 1530 году. Небольшая книга Эразма хоть и была формально адресована ребенку из аристократической семьи и писалась в воспитательных целях, приобрела огромную популярность в Европе и выдержала множество переизданий; было также сделано много переводов этой работы и заимствований ее идей в произведениях других авторов. Ведь в этой работе просто и остроумно рассказано об очень важном — вежливых манерах и достойном поведении человека в обществе. То, что этот поведенческий код к XVIII веку в Европе уже не был привилегией горстки избранных, также свидетельствует о развитии и утверждении цивилизационного психогенезиса. Начиная с XV–XVI веков понятие “цивильность” нашло аналоги и укоренилось в большинстве европейских языков — французское *civilité*, английское *civility*, итальянское *civiltà* и позже немецкое *Ziviltät* (последнее, впрочем, не получило широкого употребления в немецком языке в отличие от термина *Kultur*).

Многочисленные, казалось бы, мелкие бытовые правила поведения и общения, которые описывает Эразм как цивилизные в начале XVI века, для человека начала XX столетия кажутся само собой разумеющимися. Однако эти правила не были столь очевидными еще три века назад. Как справедливо подчеркивает Элиас, “если мы посмотрим внимательнее, то обнаружим, что за книгой Эразма стоит целый мир, образ жизни, который обычно в чем-то уже близок к нашему, но в чем-то еще очень далек” [Элиас, 2001: с. 113]. Например, Эразм так описывает правила цивилизного поведения за столом того времени, правила, которые мы сейчас считаем элементарными: “Некоторые, как только они сели за стол, начинают хватать еду рукой прямо с блюда. Так делают волки или росомахи. Не хватай еду с блюда, которое принес-

¹ Следует заметить, что Н.Элиас задолго до П.Бурдьё употребляет в своем произведении понятие *habitus* как комплекс социогенетических и психогенетических структур личности.

ли, первым. Не шарь по всему блюду, но бери тот кусок, который первым попался тебе. Копаться рукой в общем блюде — признак несдержанности, а передвигать блюдо, чтобы тебе достался лучший кусок, также не очень пристойно” (цит. по: [Элиас, 2001: с. 115]).

Важность и актуальность концепции Н.Элиаса для понимания понятия цивилизности заключается в том, что он исследует процесс исторического развития личностных структур цивилизационного психогенезиса в тесном единстве и как определенную реакцию на структурные и функциональные изменения самого общества (социогенез), увеличение его сложности и индивидуальной взаимозависимости членов общества. В определенной мере это направление продолжает в современном исследовании “Цивилизность: культурная история” и Беннет Даветьян [Davetian, 2009]. Автор на основе богатого исторического и эмпирического материала анализирует исторические, социальные и психологические практики цивилизности в Великобритании, Франции и США. И хотя Б.Даветьян в этом исследовании использует такие социологические методы, как вовлеченное наблюдение и интервью, он в основном фокусируется именно на вопросе исторического развития цивилизности как концепта и социальной практики в западном обществе в противовес насилию, и в этом смысле это скорее историко-компаративное и культурологическое исследование.

Итак, понятия цивилизности, как и цивилизного общества, имеют исторические смыслы с присущим им развитием и трансформациями. По мнению Мелани Уайт [White, 2006] и других современных исследователей, актуализация концепции цивилизности для современного постмодерного общества как раз и подчеркивает его сущностное значение, исследуемое Элиасом, а именно потребность цивилизной реакции общества на новые сложные вызовы в смысле толерантности, признания различий, а также — на насилие, агрессию и прочие общественные деформации. И, снова подчеркнем, еще более востребованным является исследование цивилизности в обстоятельствах кризисно конфликтных обществ.

Не даром важных наработок в исследованиях цивилизности уже накоплено достаточно, в частности, в социально-философских и политологических опусах [Walzer, 1974; Shills, 1997; Barber, 1999; White, 2006; Volpi, 2011], этнографических, культурологических и историко-социологических произведениях [Элиас, 2001; Davetian, 2009], в исследованиях процессов социализации и воспитания [Schiffauer et al., 2006], а также в исследованиях гражданского общества и организаций “третьего сектора” [Evers, 2009]. Однако социологические исследования цивилизности практически отсутствуют¹. Среди причин этого — многозначность понятия цивилизности, что усложняет теоретико-методологическое обоснование и эмпирическую операционализацию исследования, а также чрезмерная популяризация его этически воспитательных коннотаций в медиа и публичном дискурсе [Labigne, 2012: р. 124]. Впрочем, полагаю, эвристические возможности социологического использования и перспективы исследования цивилизности все же во многом перевешивают эти сложности.

¹ Едва ли не единственным, известным автору, современным исследованием по социологической проблематизации цивилизности является работа немецкого исследователя А.Лабина [Labigne, 2012].

Перспективы социологического исследования цивильности

Для актуализации перспектив социологического исследования цивильности важно очертить социологические смыслы этого концепта. Позитивной методологической стратегией здесь может стать понимание цивильности не как доброй этики или хороших моральных ценностей (а кто же, по крайней мере открыто, против этого?), а скорее как рационального регулятивного континуума, который реализуется в индивидуальных поведенческих актах, в разных проявлениях человеческой способности к социальности, ненасильственных взаимных интеракций и способности быть выше индивидуальных различий и идентичностей ради коллективного действия в общих интересах. В этом смысле преимуществом социологических исследований цивильности в отличие от изучения ценностей является то, что фокус исследования нацелен не на идеально-нормативные, часто сугубо идеальные установки и ориентации людей, а на социально-практические особенности реальных социальных отношений, поведения и интерактивных взаимодействий, на измерение разных модусов и проявлений цивильности или ее отсутствия. К тому же любые, даже самые успешные попытки институционализировать нормативные идеалы и ценности не оборачиваются общественным равновесием и устойчивым социальным порядком, а скорее приводят к противоречию, которое Ю.Хабермас называет противоречием между нормативностью (*normativity*) и фактичностью (*facticity*) [Habermas, 1996]. В этом смысле цивильность — это скорее довольно реальная повседневная фактичность в отличие от желаемой, но лишь гипотетически достижимой реализации нормативных ценностей. Поэтому исследования цивильности могут не только дополнять практически-поведенческим измерением изучение ценностей, но и преодолеть тот самый, по выражению П.Бурдьё, “эпистемологический разрыв”, между декларируемой нормативностью (ценностями) и практическим социальным поведением.

На эту социально-практическую особенность цивильности обращает внимание Э.Геллнер. Он подчеркивает “холодность” концепции цивильности в том понимании, что она не предполагает и не требует от нас предпочтений, симпатий или любви к людям, с которыми мы поддерживаем повседневные цивильные отношения [Gellner, 1996]. Эта, в определенной мере имморальная, “холодность” цивильности является контрастом “теплоте” коммунального, религиозного или национального энтузиазма. Тем самым цивильность и общество, которое руководствуется этим принципом, противоречат политически организованным попыткам любого тотального единства, в котором бы растворялся автономный индивид-гражданин.

Но как же цивильное общество все же сохраняет эффективную связь между своими членами? По мнению Геллнера, именно благодаря индивидуальной свободе граждан. В таком обществе взаимоотношения между людьми строятся скорее на принципе договора-контракта, нежели статуса: “...люди уважают договоры, даже когда они не связаны с ритуализированным статусом или групповым членством” [Gellner, 1996: p. 100]. Индивидуальная свобода, связанная с правовой независимостью граждан, и повседневная система общественных договоров (между отдельными индивидами и обществом и государством) дают ответ на два парадокса существования цивильного общества, а именно: 1) как возможна постоянная гибкая общественная связь между индивидами — собственно то, что делает общество об-

ществом, и 2) как возможны общественные институты и ассоциации (являющиеся политическими противовесами государству) без их посягательства на индивидуальную свободу.

Действительно, секуляризованное гражданское общество не является общиной верующих — будь то религиозных или идеологических. Такое общество не держится благодаря вере или политической идеологии, разделяемым всеми членами общества. Тем не менее общественная связь гражданственности все же невозможна без практического воспроизводства гражданских регулятивных правил и норм человеческого поведения, таких как восприятие инаковости, нормы взаимности, взаимоподдержка, солидарность, признание и уважение друг к другу. Общее восприятие и соблюдение базовых норм человеческого сосуществования со стороны граждан во множестве повседневных общественных интеракций формирует также и гражданский этос, или особый нормативно-регулятивный континуум, который Дж.Александр называет “гражданской сферой” (civil sphere). Позже мы вернемся к методологическим перспективам этого подхода, а сейчас, очерчивая перспективные поля социологического исследования гражданственности, начнем именно с проблематики гражданского общества.

1. *Гражданское общество как гражданское.* Перспектива социологической актуализации гражданственности открывает новые интерпретационные возможности в понимании самой концепции гражданского общества, определяющей составную часть в плане качества и характера которого становится измерение гражданственности. Как справедливо замечает Дж.Александр, чтобы концепция гражданского общества играла важную роль как в теоретической, так и в эмпирической социальной науке, ее нужно переосмыслить таким образом, который бы позволял переход от ее понимания как преимущественно артикулируемой политической идеи [Alexander, 1998a: p. 17]. Собственно концепт гражданственности как раз и обеспечивает такой переход через переосмысление уже традиционно устоявшегося (особенно в отечественном дискурсе) политически активистского понимания “гражданского общества”. Впрочем, такое переосмысление, разумеется, не отрицает общественно-гражданскую активность в качестве важной составляющей гражданского общества, а скорее дополняет эту активность измерением гражданственности.

Чтобы наглядно продемонстрировать этот тезис о привлечении измерения гражданственности к пониманию концепции и исследований гражданского общества, представим его условную трехмерную схему (рис.), где вектор *A* будет означать гражданскую активность, вектор *B* — пространственный фактор открытости и публичности действий гражданского общества, а вектор *C* — измерение его гражданственности.

В таком концептуальном понимании гражданское общество (на схеме — *ГО*) развивается в плоскости по трем векторам и характеризуется их пропорциональной синергией. Не может, например, в полной мере институционализированное гражданское общество быть развитым лишь в направлении вектора гражданской активности (*A*), которая к тому же может иметь нецивильный, насильственный или антисоциальный характер, а деятельность объединений граждан является скрытой и непубличной (*B*). Также вряд ли можно считать развитым гражданским обществом общественный уклад, где нормативно-регулятивные ориентиры гражданственности не подкреплены об-

щественной активностью для их поддержки или отстаивания в случае нарушений или деформаций.

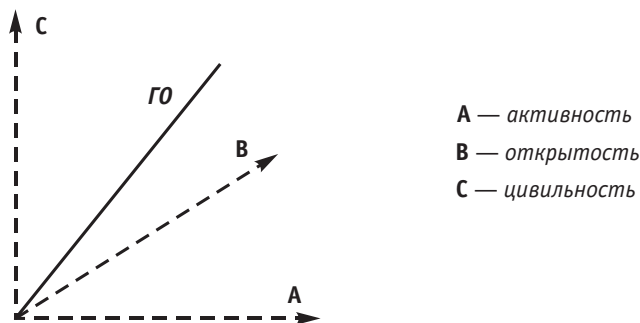

Рис. Трехмерная схема гражданского общества

Такое концептуальное понимание гражданского общества открывает, например, перспективы исследований его потенциала в контексте развития практик цивильности, включая такие, как солидарность и взаимопомощь, и исследования самих гражданских практик как цивильных и нецивильных. В частности в отечественном контексте с трансформацией властных конфигураций государства и гражданского общества с доминированием последнего в период Евромайдана, проблемное поле исследований цивильности требует анализа нормативно-регулятивных ориентиров функционирования самих негосударственных самоорганизованных общественных объединений, их направленности и понимания общественного блага, способности к компромиссному самоограничению, сотрудничеству и поиску общих решений, характера их внешних и внутренних коммуникаций и т.п. Такой анализ “третьего сектора” также предполагает формирование методологических критериев идентификации общественных объединений и практик по индикатору их цивильности, размежевания между гражданскими, общественно ответственными и асоциальными, общественно опасными негосударственными объединениями и практиками — так называемым “плохим”, или “нецивильным” гражданским обществом.

Является ли институционализируемая цивильность социальных отношений предпосылкой действенного гражданского общества или сама цивильность формируется как его эффект и следствие? Полагаю, что это — скорее обоюдный взаимозависимый процесс, особенно в отечественном контексте. Ведь гражданское общество опирается на уже существующие повседневные практики цивильности, такие, в частности, как взаимопомощь и солидарность. В то же время, скажем, мощная волна волонтерского движения после Евромайдана способствует не только развитию и институционализации цивильности, но и необходимой цивильной трансформации самого гражданского общества, многих сетей общественных объединений и организаций, которые таким образом актуализируют свою цивильную идентичность. И благодаря этому, как свидетельствуют наши социологические опросы с 2014 года, получают общественное признание и заслуживают все большее доверие со стороны граждан.

Впрочем, в этой перспективе можно также согласиться с мнением А.Лабина, который интерпретирует цивильность не как константу или независимую переменную (*independent variable*), а скорее как зависимую перемен-

ную (dependent variable) в ее различных социально-контекстуальных проявлениях и вариациях [Labigne, 2012: p. 125]. Такое понимание civility как зависимой социально конструируемой переменной открывает перспективы для эмпирического исследования civility, изучения ее вариаций и особенностей в различных общественных контекстах, динамики изменений в плане ее проявлений, реализаций и манифестаций. Социологический опрос общественного мнения, как правило, содержит определенные позиции по изучению, согласно удачной характеристике А.Лабина, “публичного лица civility” [Labigne, 2012: p. 125]. В частности эмпирическими операционализациями исследования civility в социологических опросах могут быть вопросы о готовности респондентов помогать другим (и не только нуждающимся), уровне их способности к восприятию других, отличных от собственных, взглядов и мнений, иных культурных особенностей и субкультурных манифестаций. Блок вопросов “социальной дистанции”, то есть степени принятия и толерантности к другим (представителям других национальностей, этнокультурных и социальных групп) также является устойчивым эмпирическим показателем особенностей, проявлений и возможной динамики общественной civility.

2. *Цивильная сфера* — концепт “культурной социологии” Дж.Александера [Alexander, 2006], также открывающий широкие возможности социологического исследования civility. Теоретико-методологические предложения американского социолога можно вкратце очертить так. Цивильная сфера (civil sphere), или в нашем контексте скорее сфера civility, является, по Александеру, особой культурно-символической подсистемой, формирующей культурную и регулятивную логику организации общественной жизни. То есть в такой, довольно широкой интерпретации не только теоретическая и практическая проблематика гражданского общества определяется его civility, но и все аспекты общественной жизнедеятельности и публичные институты регулируются сферой civility или претерпевают ее влияние. При таком подходе “культурной социологии” реальными проявлениями и манифестациями самой цивильной сферы являются дискурсы, социальные коды и нарративы, символические концепты и практики, свойственные любой культурной системе и обществу в целом. Проявления этих культурных кодов и дискурсов civility обнаруживаются в таких, на первый взгляд, различных полях и знаковых событиях общественной жизнедеятельности, как гражданская активность, экологические проблемы, новые компьютерные технологии, исторические политические коллизии и кризисы (от Холокоста и Уотергейта до антикоммунистических революций в Восточной Европе и террористической атаки на США 11 сентября 2001 года), которые сам Дж.Александер делает предметом своего анализа [Alexander, 2006]. Очевидно, что отечественный исторический драматический контекст и новейшие знаковые события общественной трансформации в Украине являются не менее актуальным, широким и пока еще малоисследованным в подходах “культурной социологии” полем.

Следовательно, когда мы воспринимаем civility через культурные коды и дискурсы и понимаем ее дискурсивную природу, то именно посредством этих культурно-символических индикаторов исследователь может изучать состояние и особенности функционирования режимов civility в обществе. Методологическими ориентирами такого исследования ци-

вильности служат, согласно Александру, “ценностный анализ” (*value analysis*) или “культурный подход” (*cultural approach*) в рамках постпозитивистского теоретического направления культурной социологии (*cultural sociology*), идеи и возможности которой активно отстаивает американский социолог. Однако в обычном социологическом инструментарии эти подходы, как правило, отвечают таким уже устоявшимся качественным методам социологического исследования, как контент-анализ и дискурсивный анализ. Последний можно использовать при анализе дискурсов о цивильности либо ее проявлений или аспектов, а также в исследованиях вопроса формирования дискурса цивильности со всеми его особенностями в обществе.

Культурно-символические особенности цивильности не означают, однако, ограничения ее проявлений исключительно сферой культуры. Скорее, как отмечает Александр, нормативный режим цивильности присутствует и формирует значения “хорошего” или “плохого”, “справедливого” или “несправедливого” во многих других сферах (или подсистемах) общественной жизнедеятельности — в межгосударственных отношениях, политике, экономике, идеологии, сфере государства, в сфере семьи и т.п. В частности, экономическая рыночная деятельность хоть и содержит важные внеэкономические аспекты взаимоотношений, такие как доверие, не является сама по себе конвенциональной культурно-символической сферой, но цивильность оказывается определяющим фактором функционирования именно *цивильной* рыночной экономики, а не “дикого” или полу-“теневого” капитализма.

3. Правовое сознание и поведение. Подход к цивильности как системе регулятивных кодов и нормативных правил социального поведения актуализирует еще одну ее составляющую, особенно важную для обществ, находящихся в процессах трансформаций. Речь идет об институциональных, формализованных в законах правилах, правовых (контрактных) отношениях между самими членами общества, об их отношениях с государством и равенстве граждан перед законом. Собственно социальные отношения цивильного общества исторически оформлялись в законах права. И термин “верховенство права”, который до сих пор преимущественно воспринимается как идеологический штамп в трансформирующихся обществах, получает статус повседневной тривиальной реальности в актуальном цивильном обществе.

Связь между цивильностью и правом обусловлена тем, что институциональный плюрализм современного демократического общества не предполагает общественно политического тотального единства. Но общественное разнообразие может сохраняться только при условии действительности определенных институциональных правил, соблюдения взаимных прав, обязанностей и интересов в рамках этих правил. И когда цивильность является неформальным кодом отношений и поведения плюралистического общества — своеобразным “неписанным законом”, то система права является институциональной формализацией этого кода общественных отношений (в частности, в сфере цивильного права), что гарантирует по крайней мере необходимый базовый уровень социального сосуществования. В перспективе плюралистического общества согласие и солидарность также возможны, но не как механическое и декларативное сочетание личных свобод и интересов, а скорее как сознательный выбор граждан, осознающих свои права и интересы, и добровольно объединяющихся для их реализации или защиты. Существует и иной аспект связи цивильности с правом, на что обращает внимание Н.Элиас, а

именно то, что исторически цивилизность формировалась также как становление монополизации контроля за насилием со стороны государственной власти и ее институтов справедливости (суды, правоохранительная система и система исполнения наказаний). В практических измерениях верховенства права насилие как исполнение наказаний является необходимой и монополизированной функцией государственных институтов справедливости в отношении нарушения законов как базово формализованного уровня цивилизности.

Не только общественная практика свидетельствует, но и социологические исследования подтверждают, что утверждение верховенства права с его предпосылкой равенства всех граждан перед законом и доступа их к справедливости, проблемы независимости судов, общественного доверия к институтам правопорядка и судопроизводства и эффективности их функционирования, а также проблемы уважения граждан к закону — все это проблемы из наиболее актуальных в течение довольно длительной общественной трансформации в Украине. Впрочем, помимо констатации этих деформаций, проблематизация социологических исследований в сфере права может заключаться в той методологической предпосылке, согласно которой правовое сознание, культура и поведение — это интегральные феномены, прямо связанные с режимами и особенностями проявлений общественной цивилизности, в частности с традициями и сложившимися обычаями граждан в отношении их к закону и институциям справедливости, а также с соотношением между так называемыми правовыми обычаями, неформальными правовыми установками и практиками, с одной стороны, и формальной системой права — с другой.

Социологическое исследование цивилизности в сфере правовых отношений и культуры также должно принимать во внимание и изучать особый культурно-исторический и политический контекст функционирования закона и применения права в посткоммунистическом обществе [Степаненко, 2006]. Длительная политическая традиция и современная общественная практика такого рода общества имеют своими следствиями правовой нигилизм, неуважение к закону, разрыв между популярными представлениями о справедливости и реальными практиками функционирования институтов справедливости (судов, прокуратуры и системы наказаний). В то же время повседневные стратегии выживания и социальных интеракций в таком обществе часто характеризуются “привычной коррупцией” [Мілер et al., 2004], распространением патронально-клиентелистских сетей, “аморальной семейственностью” [Banfield, 1958] и дисфункциональной неформальностью [Giordano, Nayoz, 2013] социальных отношений.

4. Спектр проблем правовой культуры связан также со сферой *повседневной цивилизности*. Исследования в этом направлении открывают широкие возможности для применения качественных социологических методов и методологических подходов социологии микросоциальных уровней. Повседневная цивилизность — это собственно и есть тот социальный микрорядок, который поддерживается и воспроизводится в таких элементарных ритуалах гражданских интеракций, как вежливость, приветливость с соседями, поведение людей в публичных местах, например в городском общественном транспорте, и в иных ситуациях повседневных интеракций и коммуникаций. Эра цифровых технологий и социальных интернет-сетей расши-

ряет понимание публичного места, привлекая также новую актуальную проблематику цивильности виртуальных коммуникаций.

Важными методологическими ориентирами в исследованиях повседневной цивильности являются, в частности, идеи “драматической социологии” И.Гофмана. Кратко вклад Гофмана можно охарактеризовать как создание и развитие оригинальной социологии повседневности, преодолевающей классическое разделение на агента (индивида) и социальную структуру. Целью этих подходов собственно и являются теоретические обобщения о базовых социальных интеракциях и микросоциальном конструировании цивильного интеракционного порядка на повседневном уровне межличностного взаимодействия “лицом-к-лицу”. Не менее актуальными методологическими ориентирами в исследовании повседневной цивильности являются также теоретические концептуализации феноменологической социологии повседневности А.Шюца, идеи, а также эмпирические исследования повседневного социального порядка этнометодологии Г.Гарфинкеля, концептуальные подходы в исследовании социальной интеракции в анализе разговоров (conversation analysis) Г.Сакса и Э.Щеглофа. Таким образом, изучение повседневной цивильности — это не только важный и самодостаточный аспект, оно может содержательно и качественно дополнить этот весьма широкий предложенный спектр перспектив социологического исследования цивильности.

Подводя итоги сказанного, следует вновь подчеркнуть, что целью данной статьи была социологическая актуализация концепта цивильности через анализ трансформации его социальной семантики, очерчивание социологических смыслов этого концепта и формирование теоретико-методологических ориентиров и содержательных направлений социологического исследования цивильности. Социологические исследования цивильности как социально-практического регулятивного континуума социальных отношений, поведения и интерактивных взаимодействий способны актуально и содержательно дополнить уже имеющиеся исследования ценностей и ценностной динамики, преодолевая разрыв между декларируемой нормативностью (ценностями) и практическим социальным поведением.

Мы очертили четыре направления социологического исследования цивильности — подход к проблематике гражданского общества как цивильного, исследование многомерной цивильной сферы, правовое сознание и поведение и сфера повседневной цивильности. Эти направления исследований взаимосвязаны не только благодаря использованию эвристических возможностей концепта цивильности, но и в общественной практике. Гражданское общество, ориентированное на цивильную активность, и единые национальные законы, перед которыми все равны, независимо от языка, религии, этнического происхождения, социального статуса, имущественного состояния или региона проживания, являются мощными факторами модернизации страны и утверждения цивильных социальных отношений. В то же время это требует реконструкции повседневной цивильности и социальности, социальной реанимации цивильных социальных взаимоотношений и интеракций, во многом деформированных в процессах сложной социальной трансформации страны. Ведь цивильность (или ее отсутствие) выступает определяющей характеристикой типа и качества социальных связей, включая повседневные интеракции, а значит — и самого общества.

Источники

- Козеллек, Р. (2014). Введение. В: Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле (сост.). Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи: в 2-х тт.; т. 1 (с. 23–44). Москва: Новое литературное обозрение.
- Мілер, В., Гределанд, О., Кошечкіна, Т. (2004). Звичаєва корупція? Громадяни та уряд у посткомуністичній Європі. Київ: К. І. С.
- Степаненко, В. (2006). Права культура в українських регіональних вимірах. Агора: Часопис Київського офісу Інституту Кеннана, 4, 18–34.
- Степаненко, В. (2015). *Громадянське суспільство: дискурси і практики*. Київ: Інститут соціології НАН України.
- Элиас, Н. (2001). *О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования: в 2-х тт.*; т. 1: Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. Москва: Университетская книга.
- Alexander, J. C. (2006). *The Civil Sphere*. Oxford: Oxford University Press.
- Alexseev, M. (2017). War and Support for Democracy: The Asymmetry of Direct Exposure and Socialisation Effect. *Sociology: Theory, Methods, Marketing*, 2, 4–15.
- Almond, G. A., Verba, S. (1963). *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Banfield, E. (1958). *The Moral Basis of a Backward Society*. Chicago, IL: The Free Press of Glencoe.
- Barber, B. (1999). The Discourse of Civility. In: S. L. Elkin, K. E. Soltan (eds.). *Citizen Competence and Democratic Institutions* (pp. 39–47). University Park, PA: Pennsylvania State University Press.
- Bryant, C. (1995). Civic Nation, Civil Society, Civil Religion. In: J. A. Hall (ed.). *Civil Society. Theory, History, Comparison* (pp. 136–157). Cambridge: Polity Press.
- Davetian, B. (2009). *Civility: A Cultural History*. Toronto: University of Toronto Press, Scholarly Publishing Division.
- Evers, A. (2009). Civicness and Civility: Their Meanings for Social Services. *VOLUNTAS. International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 20(3), 239–259.
- Gellner, E. (1996). *Condition of Liberty. Civil Society and Its Rivals*. London: Penguin Books.
- Giordano, C., Hayoz, N. (eds.), (2013). *Informality in Eastern Europe. Structures, Political Culture and Social Practices*. Bern: Peter Lang.
- Habermas, J. (1996). *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Kymlicka, W. (2001). Education for Citizenship. In: W. Kymlichka. *Politics in the Vernacular: Nationalism, Multiculturalism, and Citizenship* (pp. 293–316). Oxford: Oxford University Press.
- Labigne, A. (2012). Civility as a Public Opinion: Theorizing Civility and Discussing an Attitude Survey-Based Research Agenda. *Journal of Civil Society*, 8 (2), 123–135.
- Shills, E. (1997). *The Virtue of Civility: Selected Essays on Liberalism, Tradition, and Civil Society*. Carmel, IN: Liberty Fund.
- Schiffauer, W., Baumann, G., Kastoryano, R., Vertovec, S. (eds.) (2006). *Civil Enculturation: Nation-State, Schools and Ethnic Difference in Four European Countries*. New York: Berghahn Books.
- Volpi, F. (2011). Framing Civility in the Middle East: Alternative Perspectives on the State and Civil Society. *Third World Quarterly*, 32 (5), 827–843.
- Walzer, M. (1974). Civility and Civic Virtue in Contemporary America. *Social Research*, 41 (4), 593–611.
- White, M. (2006). An Ambivalent Civility. *Canadian Journal of Sociology*, 31 (4), 445–460.

Статья получена 16.02.2018

References

- Alexander, J. C. (2006). *The Civil Sphere*. Oxford: Oxford University Press.
- Alexseev, M. (2017). War and Support for Democracy: The Asymmetry of Direct Exposure and Socialisation Effect. *Sociology: Theory, Methods, Marketing*, 2, 4–15.
- Almond, G. A., Verba, S. (1963). *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Banfield, E. (1958). *The Moral Basis of a Backward Society*. Chicago, IL: The Free Press of Glencoe.
- Barber, B. (1999). The Discourse of Civility. In: S. L. Elkin, K. E. Soltan (eds.). *Citizen Competence and Democratic Institutions* (pp. 39–47). University Park, PA: Pennsylvania State University Press.
- Bryant, C. (1995). Civic Nation, Civil Society, Civil Religion. In: J. A. Hall (ed.). *Civil Society. Theory, History, Comparison* (pp. 136–157). Cambridge: Polity Press.
- Davetian, B. (2009). *Civility: A Cultural History*. Toronto: University of Toronto Press, Scholarly Publishing Division.
- Elias, N. (2001). *The Civilizing Process. Sociogenetic and Psychogenetic Investigations: in 2 vols.*, vol. 1: The History of Manners. [In Russian]. Moscow: University Book. [= Элиас 2001]
- Evers, A. (2009). Civicness and Civility: Their Meanings for Social Services. *VOLUNTAS. International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 20(3), 239–259.
- Gellner, E. (1996). *Condition of Liberty. Civil Society and Its Rivals*. London: Penguin Books.
- Giordano, C., Hayoz, N. (eds.), (2013). *Informality in Eastern Europe. Structures, Political Culture and Social Practices*. Bern: Peter Lang.
- Habermas, J. (1996). *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Koselleck, R. (2014). Introduction. [In Russian] In: Yu. Zaretskii, K. Levinson, I. Shirle (eds.), *Dictionary of Basic Historical Concepts: Selected Papers: in 2 vols.*, vol. 1 (pp. 23–44). Moscow: New Literary Review. [= Козеллек 2014]
- Kymlicka, W. (2001). Education for Citizenship. In: W. Kymlichka, *Politics in the Vernacular: Nationalism, Multiculturalism, and Citizenship* (pp. 293–316). Oxford: Oxford University Press.
- Labigne, A. (2012). Civility as a Public Opinion: Theorizing Civility and Discussing an Attitude Survey-Based Research Agenda. *Journal of Civil Society*, 8 (2), 123–135.
- Miller, W., Grudeland, E., Koshechkina, T. (2004). *A Culture of Corruption? Coping with Government in Post-Communist Europe*. [In Ukrainian]. Kyiv: K. I. S. [= Мілер 2004]
- Shills, E. (1997). *The Virtue of Civility: Selected Essays on Liberalism, Tradition, and Civil Society*. Carmel, IN: Liberty Fund.
- Schiffauer, W., Baumann, G., Kastoryano, R., Vertovec, S. (eds.), (2006). *Civil Enculturation: Nation-State, Schools and Ethnic Difference in Four European Countries*. New York: Berghahn Books.
- Stepanenko, V. (2006). Ukrainian Legal Culture in Its Regional Dimensions. [In Ukrainian]. *Agora: Journal of the Kennan Institute Kyiv Office*, 4, 18–34. [= Степаненко 2006]
- Stepanenko, V. (2015). *Civil Society: Discourses and Practices*. [In Ukrainian]. Kyiv: Institute of Sociology of NAS of Ukraine. [= Степаненко 2015]
- Volpi, F. (2011). Framing Civility in the Middle East: Alternative Perspectives on the State and Civil Society. *Third World Quarterly*, 32 (5), 827–843.
- Walzer, M. (1974). Civility and Civic Virtue in Contemporary America. *Social Research*, 41 (4), 593–611.
- White, M. (2006). An Ambivalent Civility. *Canadian Journal of Sociology*, 31 (4), 445–460.

Received 16.02.2018